

Евгения ТАРАТУТА

РОМАН «Овод» — одна из любимейших книг наших юношей и девушек. На ней воспитывались поколения революционной молодежи. Однако до сих пор жизнь замечательной английской писательницы Этель Лилиан Войнич, создательницы «Овода», оставалась неизученной, а творчество — неисследованным.

Как складывалась жизнь автора «Овода»? Страсть какой борьбы вложила писательница в свой роман? Оружие для какой битвы ковала она своим произведением? Чьи подвиги она воспевала?

Как была создана книга, пламень которой вот уже более полувек зажигает сердца и не гаснет? Как возник этот огонь? Откуда эта поистине магическая сила романа? Почему ро-

ман об ИТАЛЬЯНСКОМ революционере, созданный АНГЛИЙСКОЙ писательницей, нашел свою родину в РОССИИ?

Советский литературовед Е. А. Таратута, задавшись целью ответить на эти вопросы, несколько лет изучала жизнь и творчество автора «Овода». Ей удалось установить связь с самой писательницей и получить от нее ценнейшие материалы, удалось найти в наших архивах ряд важнейших документов.

В скором времени Гослитиздат выпускает в свет работу Е. А. Таратута «Этель Лилиан Войнич. Судьба писателя и судьба книги». Мы публикуем два отрывка из этой работы.

ОКНА ВЫХОДЯТ НА ВОСТОК

ИЗ КНИГИ О ВОЙНИЧ

ШЛИ ГОДЫ. Сил становилось все меньше, но творческие замыслы все еще заполняли воображение Этель Лилиан.

Она жила вдвоем с Анной Нилл на 17-м этаже огромного дома в тихом квартале Манхэттена, в маленькой уютной квартирке.

Этель Лилиан много читала. Перечитывала Шекспира, Диккенса. Иногда играла на рояле. Работала в трудных случаях, когда встречались редкие старинные издания, книготорговая фирма, основанная еще ее мужем, просила ее экспертизы.

В комнате, в передней — всюду невысокие шкафы с книгами. Верные друзья.

Вот полка с книгами, написанными ею. Она бережно берет в руки маленькую книжечку в желтой бумажной обложке. Ее «Овод», выпущенный издательством «Универсальная библиотека», Москва, 1913 год.

Последнее издание ее романа в России. Неужели там тоже забыли ее книгу, как повсюду?..

Она смотрит на восток. Там, за океаном, ее родина, Англия. А еще дальше — Россия...

Что ж, она старалась быть верной самой себе, она ни разу не кривила душой, ни разу честолюбие, расчет не двигали ею.

Жизнь отшумела. Она пережила своих друзей, своих читателей, свою известность...

Она смотрит, как восходит солнце. Скоро закат...

А между тем это было совсем не так!

В АПРЕЛЕ 1955 года в советском журнале «Огонек» была напечатана небольшая статья «Роман «Овод» и его автор». В этой статье общались цифры тиражей изданий «Овода» в СССР, говорилось о связи романа с идеями русской революции. К статье были приложены портреты. Впервые русский читатель мог увидеть лицо автора «Овода».

Тут же были помещены портреты ее отца и мужа.

Статья вызвала большой интерес среди читателей. В редакцию «Огонька» пришло множество писем. Школьники и учителя, рабочие и колхозники хотели подробнее узнать об авторе своей любимой книги. О статье спорили, высказывали всевозможные предположения.

Но ни редакция, ни автор статьи не предполагали, что этой скромной публикации суждено было открыть новую страницу в жизни самой Этель Лилиан Войнич...

Через несколько месяцев после опубликования статьи, осенью 1955 года, группа советских журналистов собира-

лась в поездку в Соединенные Штаты Америки.

Перед их отъездом я обратилась к руководителю делегации писателю Борису Полевому с просьбой посетить Э. Л. Войнич в Нью-Йорке, вручила ему адрес писательницы, напечатанный в английском справочнике «Кто есть кто?», — Нью-Йорк, 450 Вест, 24-я улица, а также большой список вопросов. Несмотря на то, что программа поездки была очень насыщенной и все дни заранее были буквально расписаны по часам, Борис Полевой все же обещал выкроить время и побывать у автора «Овода».

С такой же просьбой я обратилась и к другим членам делегации — к главному редактору журнала «Огонек» А. В. Софронову и специальному корреспонденту «Комсомольской правды» А. И. Аджубею.

...А в это время за океаном тоже готовились к этой встрече.

Дело было так. Номер журнала «Огонек», в котором была напечатана статья о Войнич, попал в руки советскому сотруднику Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке Петру Павловичу Борисову.

П. П. Борисов очень заинтересовался статьей. Вскоре он со своей знакомой госпожой Фриментал нашел адрес Войнич. Они взяли с собой номер «Огонька».

ЭТО БЫЛ удивительный вечер, когда шумная, беспримерная слава, любовь миллионов далеких людей хлынула в маленькую квартирку на 24-й улице... Каким стремительным, неподдающимся ни трезвому анализу, ни самому безудержному воображению было это внезапное изменение всей жизни Войнич — прошлой и настоящей!

Нереальным казалась старой писательнице то, что она узнала в этот вечер из номера советского журнала «Огонек». Чувство огромной ответственности подавляло ее.

Она снова брала в руки маленькую книжечку в желтой обложке — «Овод» в издании «Универсальной библиотеки», Москва, 1913 год. А она-то считала это издание последним в России. Оказывается, после него книга издавалась десятки раз на разных языках народов СССР.

Не один, не десять, не сто, не тысяча, а два миллиона Оводов живут в России, два миллиона Оводов нашли своих друзей в Советском Союзе: ведь больше двух миллионов экземпляров ее книги издано в СССР! И поставлены два фильма, и идут спектакли во многих театрах.

Она смотрит на свой портрет, опубликованный в журнале «Огонек», на портреты отца и мужа. Значит, ее не забыли, ее любят в той далекой стране.

А она ничего не знала. Ничего!

Сколько ни перебирай в памяти, того еще не было никогда — ни в древности, ни в наше время. Полное забвение на родине и огромная слава на чужой земле. Слава, неведомая для создателя произведения, которое нашло себе другую отчизну.

Неизвестная слава! Только великие трагики древности, мудрые греки могли бы сочинить такое, что сочинила жизнь наших дней...

— Я же говорила тебе о России, — делится Войнич с Анной Нилл. — Они не могли перестать читать мою книгу...

Потрясенная, она долго не могла заснуть в эту ночь. Журнал «Огонек» лежал на столике возле ее постели.

ПЕТР Павлович Борисов долго не решился воспользоваться приглашением Войнич, которое передала ему госпожа Фриментал. Ему казалось, что к этому визиту надо как-то подготовиться, а как — он не знал. Наконец, уже осенью, он решился. Отправился с женой и дочкой.

Так волновались, что приехали задолго до назначенного часа. Ожидая условленного времени, огляделись вокруг. Небольшая окраина Нью-Йорка. Вот 24-я улица, узкая, сжатая каменными громадами мрачных домов; казалась, в ней нет воздуха. Улица наполнена несмолкаемым шумом, скрежетом и бензиновым перегаром.

Дом 450 Вест, дом, в котором она живет, занимает целый квартал, его населяют три тысячи человек. Квартира Войнич — на семнадцатом этаже, это верхний, последний этаж. Пожалуй, так лучше. Сюда, на высоту, не долетает шум, не поднимаются пары бензина...

Об этом думали Борисовы, поднимаясь на лифте. Лифтер, который работает здесь уже не один год, и понятия не имел, что в его доме живет знаменитая писательница, что эта старушка из квартиры на семнадцатом этаже — автор замечательной книги...

Они постояли у двери, перевели дух, как будто пешком, а не на лифте поднимались все эти семнадцать этажей, и позвонили.

Первых советских граждан, посетивших Войнич, встретила госпожа Нилл, худощавая энергичная женщина. Она провела Борисовых в гостиную. Одновременно гостиния служила и столовой и кабинетом. Кроме нее, в квартире еще две маленькие комнаты — спальни.

Петр Павлович, его жена Феодосья Ефимовна и маленькая Иринка, которая только в этом году начала учиться в школе, с волнением ожидали встречи с

Э. Л. ВОЙНИЧ, 1898. Флоренция.

Войнич. Гостиния поразила их сверкающей чистотой, скромностью обстановки, обилием цветов и книг. У одной стены стояло пианино. Над диваном висел карандашный портрет пожилой женщины. Чуть опущенные глаза пристально смотрят вдаль, тонкие губы крепко сжаты. Долгие годы покрыли лицо морщинами, однако в нем можно было узнать то прекрасное лицо, которое они видели в «Огоньке».

В простенке у окна в широкой деревянной раме висел портрет юноши в черном берете. Над ним голубое небо, а в глазах юноши бесконечная скорбь — след долгого, глубокого и скрытого страдания.

Одну стену занимает большое окно. Госпожа Нилл рассказывает, что вот уже несколько лет Войнич не выходит из дому, но часто сидит у этого окна, выходящего на восток. Да, она уже очень стара! Ведь ей скоро 92 года. Но Войнич еще работает — консультирует фирму, в которой работает госпожа Нилл.

Притихнув, всегда бойкая Иринка ощущает благоговейное настроение родителей.

Но вот дверь открылась. Вошла Войнич. Она держится так прямо, что кажется высокой. Легкие седые волосы гладко зачесаны. У нее в руках палка, но она не опирается на нее, а идет уверенными, медленными шагами.

Взгляд ее устремлен на Иринку. Русская девочка, советская девочка. Первое дитя, которое она видит, рожденное на свободной советской земле, в свободной России.

Войнич не сводила глаз с Иринки. Потом, все так же глядя на нее, сказала:

— Значит, вы русские, из Советского Союза. Мне очень приятно видеть вас у себя. С Россией в моей жизни связано очень много воспоминаний.

Войнич говорила по-русски. Медленно, тщательно подбирала слова, как будто доставала их откуда-то из глубины.

Она рассказывала им про похороны Салтыкова-Щедрина в Петербурге, в которых она сама участвовала.

(Окончание на 2-й стр.)

Мая БОРИСОВА

В ГОСТЯХ У ДРУЗЕЙ

Мозерские стеклодувы

На вид совсем не трудно,
С огнем сойдясь «на ты»,
Растить на черной трубке
Хрустальные цветы.

Цветок
втекает в формочку,
Как горный воздух —
в форточку.

А трубку всё раскачивают
Движениями плавными,
Как будто были рассказывают,
Как будто песню складывают.
Но пламя

в клетке тесной
Ярится зло и гулко.
У парня не от песен
Посолонели губы.
Устало и степенно
Со лба стирая пот,
Из кружки черно-лениной
Он жадно пиво пьет.
А в стороне,

у входа,
Где свет дрожащ и скуп,
Застенчиво

природа
Прижалась к косяку

И смотрит, как девочка
Светло и восхищенно,
Не слыша гула улицы,
Шагов и суеты,
Стоит природа — учится,
Как делают цветы,
г. Карловы Вары.

Город Готвальдов

Не стреноженный готикой,
Без ампириных корсетов,
Он врезается — Готвальдов —
И в пространство,

и в сердце,
Весь какой-то раскованный,
Очень юный на вид,
Он — глоток родниковый
После приторных вин.

Ни чугунных оград, ни
Теремов-крепостей:
Лишь симфония граней,
Торжество плоскостей.

И зеленое — фоном
Для кирпичной стены,
И все формы,
как формулы,

Непреложно верны,
И сирень дымно-сизая

Набухает под ливнями,
И суровая физика
Превращается

в лирику.

Немой рояль

Этот дубовый рояль не имеет струн,
Он служил Листу для упражнения.
(Из пояснения экскурсовода).

Садись.

И разминай сухие пальцы.
Припомни ритм стремительных
пассажей,

Гармонию несозданных мелодий
И смело бей по клавишам моим.
Не бойся еретических исканий
И дерзости аккордов непривычных:
Я никому не открываю тайн.
Я нем.

Нет струн в моем дубовом
чреве.

Я нем.
И только ты услышать можешь,
О чем смеются, гnevаются, плачут
Расколотые клавиши мои.
Но по ночам,

когда весь дом затихнет,
Я становлюсь

лишь ящиком обычным,
И тот — другой,
сверкающий, как
полночь,

Отполированная лунным светом,
Тот, что готов откликнуться звучаньем
На скрип дверей,
на вздох,

на шестел ветра,
Меня не признает

своим собратом.
Мне нагло набиваются в друзья
Пузатые лари,

где на крупчатке
Лег тонкий след мышиных теплых
лапок,

Шкатулки и ларцы,
в которых дама
Хранит подаренный тобою жемчуг
И письма

от поклонников своих.

Но я молчу.
Я молча жду рассвета.
Я жду, когда в окне проснется солнце
И ты придешь,

неся с собою кипу
Исчерканных линованных листов.
Садись.

И разминай сухие пальцы.
Ты видишь — я дрожу от нетерпенья!
Я счастлив.

О, как сладостны удары,
Несущие рожденные мастерства!

г. Веймар.